

Переходя к более частным сторонам концепции Корнеманна, прежде всего отметим бросающееся в глаза пренебрежение автора к истории римских провинций. Считая, что весь период империи представляет собой борьбу и взаимодействие двух начал — римского и эллинского и наряду с ними греческого, автор почти не останавливается на истории испанских, дунайских и других провинций, поскольку она ничего не дает для развития его основной идеи. Материал по истории провинций в период империи не систематизирован, не сгруппирован в отдельных главах, частные замечания разбросаны по всему труду. Нельзя также согласиться с теорией Корнеманна о двойном принципате, как это уже отмечал в своем труде Н. А. Машкин¹. Август всегда являлся единоличным правителем, в источниках нет никаких данных, свидетельствующих о наличии равноправных с Августом императоров.

Труд Корнеманна может служить показателем деградации немецкой историографии в условиях гитлеровского режима. Переход на позиции расизма лишил труд Корнеманна, в прошлом довольно крупного исследователя, всякой научной ценности. Немецкая историография в свое время не мало сделала для изучения античности. В частности, классики марксизма давали высокую оценку Нибуру, Бахофену и другим немецким ученым первой половины и середины XIX в. Приход к власти фашизма еще более углубил кризис немецкой историографии античности. Труды немецких историков, вышедшие за последнее время в Германской демократической республике, показывают, что единственный путь к подъему немецкой историографии состоит в чистке авгиевых конюшен фашистской «науки», в решительном отказе от того «наследия», образцы которого мы видим в труде Корнеманна.

А. И. Немировский

HADJINICOLAU-MARAVA, Recherches sur la vie des esclaves dans le Monde Byzantin, Athènes, 1950, 134 стр.

Книга греческой исследовательницы А. Хаджиниколау-Марава «Исследования о положении рабов в Византии» состоит из введения и трех глав. В первой главе она рассматривает вопрос об отношении византийской церкви и государства к рабству (стр. 12—28), во второй дает периодизацию византийского рабства и характеризует экономическое и правовое положение рабов (стр. 29—85), в третьей описывает источники рабства и говорит об отпуске рабов на волю (стр. 86—113). Далее следует краткое заключение (стр. 114), в котором автор подводит итоги работы, и приложение, в котором она описывает термины, применявшиеся в Византии для обозначения рабского состояния (стр. 115—118).

Хронологические рамки рецензируемой работы весьма широки: автор начинает с позднеримского рабства (IV в.) и доводит свое исследование до времени Комнинов, точнее, до падения Константинополя в 1204 г. С этого момента, полагает автор, начинается новый период «средиземноморского» рабства, изучение которого она считает особой и сложной проблемой (стр. 10). Впрочем, автор не всегда соблюдает избранные ею хронологические рамки, привлекая, например, данные XIII—XIV вв. для характеристики торговли рабами (стр. 93).

А. Хаджиниколау-Марава не дала в своей книге историографического обзора, не попыталась оценить работы своих предшественников, не выяснила, что нового она сама вносит в эту проблему. Она называет предмет своей книги «новой темой» (стр. 8). На самом же деле вопрос о византийском рабстве не новый, хотя он и не был еще предметом монографического исследования. Вопрос этот изучался рядом и не только буржуазных исследователей (К. Э. Цахариэ фон Лингенталь, А. Моннье) и в последнее время — польским ученым Р. Таубеншлагом, исключительно с юридической точки зрения; эти исследователи давно уже выяснили, что византийское право хорошо

¹ Н. А. М а ш к и н, Принципат Августа, М., 1950, стр. 349.

знало институт рабства¹. Однако вопрос о социально-экономической роли византийского рабства, о месте рабовладельческого уклада во всей системе общественных отношений Византийской империи не был предметом изучения буржуазных историков, — этот вопрос ставили и решали только советские византилисты (Е. Э. Липиниц, М. Я. Сюзюмов)².

Как же ставит вопрос сама А. Хаджиниколау-Марави? Представляет ли рецензируемая книга чисто юридическое сочинение или же автор рассматривает рабство как общественное явление? Введение к книге написано весьма многообещающе: автор заявляет, что собирается изучать изменения в характере рабства, происходившие под воздействием материальных и социальных условий (стр. 7).

Существо этих изменений сводится, согласно А. Хаджиниколау-Марави, к постепенному вырождению рабства и к превращению прежних рабов в свободных производителей современного типа (стр. 7, 114). Процесс улучшения положения рабов, протекавший медленно и постепенно (стр. 23, 28, 77), шел по двум линиям: рабы получили некоторые права на продукт своего труда и известную личную независимость, выразившуюся в праве иметь семью (стр. 85). Правда, автор полагает, что в Византийской империи, которую она напыщенно именует авангардом средневековой цивилизации и даже защитницей средних классов³, процесс освобождения рабов не был завершен (стр. 28, 85). Но это объясняется с точки зрения автора, лишь турецким вторжением, помешавшим освободить «последних рабов».

На первый взгляд может показаться, что автор действительно стремится выяснить эволюцию рабства в Византии — эволюцию, определяемую экономическими и социальными предпосылками. В книге мы можем встретить, например, утверждение, что «экономическое освобождение влечет за собой, естественно, и социальную эмансипацию» (стр. 25). Однако на вопрос о конкретных экономических и социальных предпосылках улучшения положения рабов в книге мы не найдем ответа. Тезис об экономических и социальных факторах остается лишь фразой. Как признает сама А. Хаджиниколау-Марави, ей удалось установить лишь факт существования рабов в Византии. Что же касается положения византийских рабов, характера их труда, особенно в ремесле и сельском хозяйстве, — все это остается проблемой, которую еще предстоит решить (стр. 114).

Обещав нарисовать картину эволюции византийского рабства под влиянием материальных и социальных причин и потерпев в этом неудачу, автор ограничился в конце концов констатацией давно известного факта существования рабства в Византии. Подобно другим буржуазным историкам, она оказалась вынужденной, вопреки намеченной во введении программе, остановиться в основном на описании юридического статуса рабов.

А. Хаджиниколау-Марави пыталась также изучить эволюцию византийского рабства в связи с явлениями иного порядка: она начинает свою работу с характеристики отношения к рабам византийской церкви и византийского государства; она отмечает, что византийские императоры — от Юстиниана до Алексея Комнина — вносят улучшения в положение рабов (стр. 22). Иными словами, фактически она связывает процесс эволюции византийского рабства не с экономическими и социальными

¹ K. E. Zachariä von Lingenthal, *Geschichte des Griechisch-Römischen Rechtes*, 3 Aufl., Lpz., 1892; H. Monnier, *Les Nouvelles de Léon le Sage*, Bordeaux, 1923; R. Taubenschlag, *Das Sklavenrecht im Rechte der Papyri*, ZSt., Roman. Abt., 50, 1930; в несколько сокращенном виде материал этой статьи вошел в новую работу Р. Таубеншлага: «The Law of Greco-Roman Egypt in the Light of the Papyri», N.-Y., 1944, стр. 50—76.

² Библиографию см. А. П. Каждан, Рабы и мистин в Византии IX—XI вв., УЗ Тульского неединститута, вып. 2, 1951, стр. 63 сл.

³ Мы не считаем нужным останавливаться в данной рецензии на критическом разборе модной в современной буржуазной науке идеализации Византийской империи в качестве «защитницы античной цивилизации», поборницы «общего блага» и т. п.

причинами, но с деятельностью императоров и церкви. Не говоря уже о том, что такая постановка вопроса является чисто идеалистической, она приводит автора к внутренним противоречиям. Дело в том, что автор и здесь не видит какого-либо изменения в отношении церкви и государства к рабству; в ее изложении оно остается одинаковым и во времена Иоанна Златоуста, и при Мануэле Комнине (стр. 28). Следовательно, автор объясняет влиянием неизменяющегося фактора изменения в положении рабов.

В чем же заключаются причины неудачи А. Хаджиниколау-Марава, причины того, что она не сумела проанализировать и объяснить эволюцию византийского рабства и ограничилась повторением общезвестных истин относительно юридического статуса рабов? Причины эти характерны для современного состояния буржуазной исторической науки и потому заслуживают внимания. Первая причина неудачи заключается в крайней методологической беспомощности автора, выразившейся в ряде моментов:

1. Автор не понимает специфики рабства как социальной категории и смешивает рабство с несвободным состоянием вообще. Она отождествляет рабов и ремесленников позднеримских «крепостных» коллегий (стр. 35), смешивает рабство с французским средневековым серважем (стр. 53), относит к рабам слова эпоса о Дигенисе Акрите, имеющие в виду «рабов императора», т. е. подданных (стр. 80). В соответствии с этим автор не ставит вопроса о содержании терминов, обозначающих рабов: в приложении, посвященном терминологии, она лишь выделяет старые и новые термины. Но ведь для выяснения характера византийского рабства первостепенное значение имеет выяснение фактического содержания терминов: действительно, всегда ли, когда византийские документы говорят о «рабах», мы имеем дело с настоящими рабами? Не скрывается ли под старым термином производитель нового, иного типа?

2. Автор не подозревает зарождения и развития в Византии феодальных отношений, существование которых признается даже в ряде работ буржуазных исследователей. Не понимая этого, автор выдвинул совершенно неправильный тезис о переходе рабства в свободный труд; на самом же деле, эксплуатация рабов уступала место не эксплуатации свободных производителей, но эксплуатации феодально-зависимого населения. Свободный труд применялся в Византийской империи в ограниченных размерах и, во всяком случае, не имел ничего общего с трудом современных пролетариев.

3. Этот процесс перехода от рабовладения к феодальной зависимости не может быть сведен только к освобождению раба. Элементы феодального хозяйства возникают рядом с рабовладельческой системой, ведут с ней упорную борьбу, и в конечном итоге феодальная система доказывает свое экономическое превосходство. Рабство как уклад феодальная система доказывает свое экономическое превосходство. Рабство как уклад может сохраняться и в период существования развитых феодальных отношений — при этом раб попрежнему остается вещью, и его можно продать, купить, убить как скотину. Византийское рабство до тех пор, пока оно существовало, не отличалось от классического рабства в принципе: существенное отличие состояло в том, что рабство перестало быть господствующей системой хозяйства и превратилось во второстепенный уклад. Все утверждения А. Хаджиниколау-Марава об улучшении положения рабов представляются нам падающими и не соответствуют действительности. В самом деле, уже сама А. Хаджиниколау-Марава была вынуждена отметить, что в юридическом состоянии рабов не произошло какого-либо улучшения (стр. 84 сл.); изменение она видит, как уже было сказано, лишь в большей самостоятельности в распоряжении пекулием и в известной личной независимости, в возможности иметь семью. Однако она сама не один раз указывает, что права позднеримских рабов на пекулий были не меньше, если не больше, чем права византийских рабов (стр. 39, 46). Возможность иметь семью существовала уже в греко-римском Египте¹.

4. С проблемой перехода от рабства к феодализму связан вопрос об экономическом превосходстве феодальной системы хозяйства над рабством. Ведь рабство неchezзаст или превращается во второстепенный уклад именно потому, что феодальная

¹ R. Taubenschlag. The Law of Greco-Roman Egypt..., стр. 69.

система хозяйства оказывается более прогрессивной, более выгодной; в этом именно и состоят экономические предпосылки эволюции рабства, оставшиеся книгой за семью печатями для А. Хаджиниколау-Маравы.

5. Переход от рабства к феодальной системе не есть медленный и постепенный процесс освобождения рабов, улучшения их положения. Он совершается через кризис рабовладельческой системы, которая некогда обеспечила расцвет античного общества, но затем превратилась в оковы для развития производительных сил. С созданием рабовладельческой системы, направленной на «...производство прибавочной стоимости»¹, рабский труд неминуемо становился тормозом для развития производства, ибо максимальное количество прибавочного труда может быть выжато из раба только при применении максимально грубых орудий. Непроизводительный работник, раб, по словам римских писателей, только калечил почву. Кризис рабовладельческой системы и определил в конечном итоге общий упадок Римской империи. Автор же, если и говорит мимоходом о кризисе Римской империи (стр. 30—31), не связывает его с судьбами рабовладельческой системы. И в дальнейшем развитие рабовладения в Византии не шло по прямому пути постепенного улучшения положения рабов. Совершенно неправильным и необидительным представляется нам утверждение автора о тенденциях к освобождению рабов в правление Юстиниана (стр. 23 сл.): советские историки справедливо рассматривают эту эпоху как период кратковременного торжества рабовладельческой реакции². Мы, со своей стороны, приведем ниже некоторые данные, свидетельствующие об увеличении числа рабов в VI в. Произвольным является также утверждение, что политика императоров Македонской династии была направлена на улучшение положения рабов (стр. 24). На самом деле время Македонской династии было периодом относительного подъема рабовладельческого уклада и ухудшения положения рабов³. Впрочем, в некоторых случаях и сама А. Хаджиниколау-Маравы отказывается от своего тезиса о неуклонном движении к освобождению рабов: она, например, полагает — впрочем, без каких-либо доказательств, — что число рабов в IV—VII вв. было меньшим, нежели в дальнейшем (стр. 29).

6. Автор рассматривает рабов не как самостоятельную силу, не как творцов истории, но лишь с точки зрения отношения политических и церковных деятелей к рабству. Книга не только открывается главой об отношении к рабам «отцов церкви» и императоров, но только рассматривает всего внимательнее отношение к рабам византийского права, но даже в разделах об экономическом положении рабов подменяет этот вопрос вопросом об отношении к рабам того или иного лица. Например, в разделе о монастырских рабах (стр. 48—50) мы не найдем ни слова о специфике монастырского рабства; здесь речь идет об отношении к рабам Феодора Студита, которое характеризуется как весьма передовое. Рассматривая рабов только как объект воздействия, автор не может понять их отношения к рабовладельцам: лишь в маленьком параграфе, занимающем половину страницы, она ставит вопрос о настроениях рабов и их чувствах по отношению к господам; она с паивной серьезностью заявляет, что на этот вопрос ответить «затруднительно» (стр. 81). Классовая борьба рабов, их многочисленные выступления против рабовладельцев остались неизвестными автору⁴. Буржуаз-

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, М., 1950, стр. 344.

² М. Я. Сюзюмов, Проблемы иконоборчества в Византии, УЗ Свердловского пединститута, т. IV, 1948, стр. 53, и особенно З. В. Удалцова, Народные движения в Северной Африке при Юстиниане, ВВ, V, 1952, стр. 15 слл.

³ А. П. Каждан, ук. соч., стр. 78.

⁴ Вопрос о классовой борьбе рабов поставлен только в трудах советских ученых. О движениях рабов в Поздне-римской империи см.: М. В. Левченко, История Византии, М.—Л., 1940, стр. 13; Н. В. Пигулевская, Византия на путях в Индию, М.—Л., 1951, стр. 30—32 и особенно А. Д. Дмитриев, Социальные движения в Римской империи в связи с вторжением варваров. Автореферат, Л., 1950. Для более позднего времени: Е. Э. Липшиц, Восстание Фомы Славянина и византийское крестьянство на грани VIII—IX вв., ВДИ, 1939, № 1; А. П. Каждан, ук. соч., стр. 75 сл.; ср. М. Я. Сюзюмов, ВВ, V, 283.

ная историография, которая иной раз позволяет себе лицемерно пожалеть трудящихся, никогда не рассматривает их как активную силу исторического процесса. На самом же деле «... история общественного развития есть вместе с тем история самих производителей материальных благ, история трудящихся масс ...»¹. В истории Византии сопротивление рабов, активное и пассивное, во многом определило победу новой системы хозяйства.

7. Автор не ставит вопроса о специфике развития рабства в Восточной Римской империи. Она не объясняет, почему в Византии рабство сохранялось наряду с феодальной системой производства и в течение длительного времени сопротивлялось окончательному торжеству нового способа производства. Весьма вероятно, что сохранение в Византии рабского уклада было обусловлено относительной слабостью кризиса рабовладельческой формации в восточных областях Римской империи: сохранение здесь свободной крестьянской общины и примитивных форм рабства делало противоречия между рабами и рабовладельцами на Востоке менее острыми, нежели на Западе². Впрочем, этот вопрос нуждается в специальном исследовании.

8. Не изучается в книге и вопрос об отношении разных социальных группировок к рабству: какие круги позднеримского и византийского общества держались за рабовладельческую систему, какие, наоборот, готовы были отказаться от нее и переходили к новым формам эксплуатации непосредственных производителей? Вопрос этот также был поставлен только советскими учеными³.

Таким образом, методологическая беспомощность автора привела к тому, что в рецензируемой книге не были поставлены коренные вопросы, связанные с той проблемой, которой эта книга посвящена.

Другим существенным недостатком работы А. Хаджиниколау-Марава является крайне незначительное количество использованных ею источников и полное неумение их обработать. Автор опирается на чрезвычайно ограниченный материал источников: преимущественно на законодательные памятники и на произведения церковных писателей. Однако и законодательные памятники привлечены далеко не в полной мере. Говоря о политике Юстиниана в отношении рабов, автор ограничивается двумя-тремя цитатами из Дигест и Институций (стр. 23—24), но отнюдь не дает всестороннего анализа юстинианова права. А ведь для серьезного решения этой проблемы необходимо было бы выяснить, соответствует ли юстинианово право в этом вопросе действительным отношениям эпохи, отличаются ли нормы Дигест и Кодекса от Новелл и т. п.

Автор не использует и не знает материала Земледельческого закона и Эклоги. Более того, включая Эклогу в список использованной литературы, А. Хаджиниколау-Марава утверждает, что пользовалась ею по изданию *Jus Graeco-Romanum*, Lps., 1856—1884. На самом же деле, в этом шеститомном издании нет Эклоги: она издана тем же издателем (Цахариз фон Лингенталем) в *Collectio librorum juris Graeco-Romani ineditorum*, Lps., 1852. Материал Земледельческого закона и современных ему памятников освещает особый этап в истории византийского рабства: в это время крупные рабовладельческие поместья были в основном разгромлены, рабский труд применялся преимущественно в скотоводстве.

Автор не останавливается на законодательных памятниках конца IX в. и не выясняет сущности рецепции рабовладельческого римского права в эту эпоху. Прохирон и Эпанагога не используются вовсе, а ссылка на Эпанагогу дана столь же ошибочно, как и на Эклогу.

¹ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 552.

² С. И. Ковалев, История Рима, Л., 1948, стр. 739. Иначе ставит этот вопрос М. Я. Сюзюмов («Ремесло и торговля в Константинополе в начале X в.», ВВ, IV, 1951, стр. 13), который связывает сохранение рабства в Византии с сохранением здесь «эллинистического» города.

³ Е. М. Штаерман, Рабство в III—IV вв. в западных провинциях Римской империи, ВДИ, 1951, № 2; А. П. Каждан, ук. соч., стр. 74 сл.

Еще в меньшей степени знакомы автору данные агнографии и исторических сочинений, которые используются от случая к случаю, и, повидимому, из вторых рук. Автор не использовал жития Андрея Юродивого, Василия Нового, Михаила Малешна, Павла Латрского, Лазаря Галесийского и многие другие, содержащие значительный материал для характеристики положения византийских рабов. Автор, видимо, не подозревает о существовании сводной работы А. П. Рудакова «Очерки византийской культуры по данным греческой агнографии», где много говорится о рабах. Столь же неполно использованы данные исторических сочинений¹, эпистолярной литературы, бесед.

Особенно не повезло важнейшему роду источников — частноправовым документам: папирусам и актам, которые совершенно не использованы автором, несмотря на то, что в библиографический список включено многотомное издание актов Миклошича и Мюллера. Папирологический материал является важнейшим источником для истории рабства в византийском Египте. Он изучался Р. Таубеншлагом в целях выяснения правового положения рабов, однако еще не был использован для изучения рабства как определенной системы производства.

Настоящая рецензия не претендует на постановку вопроса о рабстве в византийском Египте во всей полноте: нам хотелось бы только указать на некоторые пути, по которым могла пойти исследовательская мысль. Чрезвычайно важно было бы выяснить, как изменялось количество рабов в Египте во время Римской империи и в первые века существования Византии. Выяснение этого вопроса пролило бы свет на характер изменений ранневизантийского рабства. Некоторое относительное представление об этом может дать подсчет (по отдельным векам) количества упоминаний о рабах в папирусах.

Мы подсчитали количество упоминаний рабов в тех папирусах, которые были использованы Р. Таубеншлагом в названной выше статье³, и составили на основе этого следующую таблицу:

Число упоминаний рабов в египетских папирусах

(I в. до н. э. — VIII в. н. э.)

I в. до н. э.	20	V в. н. э.	2
I в. н. э.	26	VI в.	30
II в.	98	VII в.	4
III в.	35	VIII в.	2
IV в.	15	«византийские папирусы» ³ . . .	5

Таблица эта имеет ряд погрешностей: она неполна, не учитывает общего количества папирусов, дошедших от того или иного века; короче говоря, в ней, несомненно, много случайного. И все же она показывает, разумеется, в самых общих чертах, тенденции развития рабства в римском и византийском Египте. Из таблицы следует во-первых, что расцвет рабовладения в Египте приходится на II в. н. э., после чего наступает упадок, который дает себя знать с особой остротой в V в., и во-вторых, что в VI в. рабовладение в Египте переживает новый, хотя и относительный (видимо, кратковременный) подъем.

Данные этой таблицы противоречат тому, что говорит автор об ограничении рабства при Юстиниане. Во всяком случае, эти данные должны быть объяснены,

¹ Не используя византийских историков из первых рук, автор часто дает ошибочные ссылки: например, она приписывает издание хроники Симеона Магистра (Псевдо-Симеона) в Боннском корпусе K. де Боору, тогда как он был издан И. Беккером.

² Р. Таубеншлаг считает терминами, обозначающими рабов: δοῦλος, ἀνδράποδος, παῖς (παῖσις), οἰκέτης, σῶμα, а также ὁ ἐμὸς и ὁ δόλος; R. Taubenschlag, *The Law of Greco-Roman Egypt...*, стр. 50 сл.

³ Эти папирусы Р. Таубеншлагом более точно не датированы.

должны быть увязаны с экономической и политической историей Средиземноморья; пренебрегать таким ценным материалом ни в коей мере не следует. Данные этой таблицы должны быть увязаны также с тем фактом, что поздние папирусы, относящиеся к византийской эпохе, говорят о рабе как о более самостоятельном, более инициативном работнике, нежели раб эпохи Римской империи¹.

Византийских актов IX—XII вв. сохранилось гораздо меньше, чем папирусов. Однако и они содержат важные упоминания о рабах. Данные этих актов, в частности, позволяют исправить ошибочное утверждение А. Хаджиниколау-Марава (стр. 102 сл.) об отношениях между вольноотпущенниками и патроном. Она утверждает, опираясь на незначительное количество законодательных памятников (преимущественно VI в.), что положение вольноотпущенника не отличалось от положения свободного. Это утверждение должно подкреплять ее основную мысль, что отмена рабства влечет за собой переход к свободному труду. На самом деле эти византийские акты показывают, что освобождение рабов в IX—XI вв. сопровождалось наделением их земель, с сохранением определенных обязанностей; так, например, акт 897 г. рассказывает о вольноотпущеннике, получившем землю «в качестве легата (λεγάτου χάριν)»². Тот же самый термин встречается и в завещании каппадокийского землевладельца Евстафия Воилы (1059 г.): отпущенные им рабы получали землю «в качестве надела и легата»³. Об отпуске рабов с «легатами» говорят и византийские жития.

Получившие землю вольноотпущенники должны были выполнять определенные повинности: например, отпущенные Евстафием Воилой рабы становились клириками основанной им церкви. Термином же «клирики» в это время, как указал еще К. Э. Цахариз фон Лингенталь, обозначались зависимые крестьяне; так, грамоты Василия II болгарским церквям устанавливают количество париков и клириков, приписанных к каждой церкви.

Используя ограниченный круг источников, А. Хаджиниколау-Марава в то же время обработала их крайне поверхностно, предпочитая по большей части выписывать длинные цитаты. Так например, весь раздел о пекулии (стр. 38 сл.) состоит из длинных цитат из Дигест, раздел о браках рабов (стр. 72 сл.) тоже переполнен цитатами. В силу плохого знания источников автор поверхностно и небрежно трактует частные вопросы. Совершенно произвольно решается важный вопрос о численности рабов в Византии (стр. 29, 40). Здесь следовало не только привлечь данные о численности рабов у византийских вельмож (например, сообщение о рабах Василия Нофа в «Истории» Льва Дякона), но и выяснить, действительно ли византийские вельможи IX—X вв. обладали тысячами рабов, существовало ли здесь латифундиальное хозяйство, или за старым термином скрывается нечто иное.

Важному вопросу о казенных рабах X в. автор сумел уделить только три строчки (стр. 47)⁴. Говоря об убийстве раба, автор ссылается на нормы римского права вплоть до закона Аквилы, но не знает говорящих об этом византийских источников (кроме рецепции римского права в Василиках). Однако интереснейшие сведения о праве господина карать своего раба и убивать его во время «справедливого» наказания рабства (стр. 86—88), считает ее важнейшим источником — и в то же время не знает фактов обращения византийцами в рабство военнопленных; вместо этого она говорит о выкупе византийцев из плена. Вопрос о продаже себя и детей в рабство трактуется только по юридическим памятникам, рецепирующим римское право (стр. 94—99): данные агиографии и историков (Киннам и другие) остались неизвестными, и поэтому не может быть поставлен вопрос, действительно ли речь идет о продаже себя в рабство

¹ R. Taubenschlag, *Das Sklavenrecht*..., стр. 159.

² G. Rouillard et P. Colloin, *Actes de Lavra*, I, P., 1937, № 1, стк. 19.

³ В. Бенешевич, *Завещание византийского боярина*, ЖМНП, 1907, май, стр. 224, 228 сл.

⁴ См. об этом вопросе М. Я. Сюзюмов, *Ремесло и торговля*, ... стр. 27.

или о коммendaции. Вопрос о выкупе себя рабом (стр. 111 сл.) ставится только на материале Дигест и Василий и т. д.

Автор плохо знает литературу вопроса. Мы уже не говорим о том, что автор не имеет никакого представления ни о советской, ни о русской дореволюционной византистике, но в рецензируемой книге не были использованы работы даже западно-европейских и балканских историков. Так, ей остались неизвестными работы А. Штэк-ле и Р. С. Лопеса, проливающие некоторый свет на роль рабов в ремесле¹, работа Спулбера о новеллах Льва VI², работа В. Мошина о византийских холопах³, интересная статья Д. Ангелова о рабстве в средневековой Болгарии⁴, работы Н. Константи-неску, И. Сакизова и многие другие. В то же время автор ссылается на такие без-надежно устаревшие работы, как слабая книжка Ж. Тесто (стр. 41). Большинство книг, названных в библиографическом указателе, не использовано.

А. Хаджиниколау-Марава имеет слабое представление об экономической и по-литической истории Византии. Она путанно излагает данные «Книги епарха» (утвер-ждает, что катартари не могли быть рабами, хотя на самом деле речь идет о мета-ксопратах; стр. 47), дает фантастическое объяснение термину *σκιᾶστριαι* (стр. 43), хотя он правильно истолкован еще Дюканжем, неверно объясняет термин проастиий (стр. 52), термин *ἄρχοντες* переводит как «магистраты» (стр. 25), хотя в византийское время им обозначали динатов, крупных собственников. Книга изобилует опечатками.

Надо признать, что в книге есть некоторые интересные наблюдения. Например, несомненно правильно утверждение о том, что «отцы церкви» защищали существую-щий порядок и, в частности, рабовладение (стр. 13 сл.). Автор приводит поучитель-ное постановление Гангрского собора (IV в.), осуждающее тех епископов, которые призывали рабов покидать господ и уходить в монастырь (стр. 19 сл.)⁵. Автор инте-ресно интерпретирует известие Евстафия Солунского о правах рабов на их пекулий в XI в. (стр. 57). Несмотря на отдельные частные правильные наблюдения, книга А. Хаджиниколау-Марава представляет собой работу поверхностную, написанную компилятивно, методологически беспомощную и не внесшую ничего нового в важную проблему византийского рабовладения. Тем более показательно, что рецензии П. Хараниса в «Speculum» и Ф. Дэльгера в «Byzantinische Zeitschrift» оценили эту книгу весьма положительно.

А. Каждан

¹ A. Stöckle, Spätrömische und byzantinische Zünfte, Lpz., 1911; R. S. Lopez, Industrial Slavery in the Byzantine Empire, Journal of Econ. History, V (1945).

² C. A. Spulber, Les Nouvelles de Léon le Sage, Cernauti, 1934.

³ В. Мошин, Δουλικὸν ζευγάριον, Seminarium Kondakovianum, X (1938).

⁴ Д. Ангелов, Рабство в средневековна България, ИП, II (1946).

⁵ Напрасно М. Я. Сюзюмов в своей рецензии на книгу А. Хаджиниколау-Марава (ВВ, V, 1952, стр. 281) считает одним из основных пороков ее работы незнание постановления Гангрского поместного собора и других фактов, сви-детельствующих о стремлении «отцов церкви» сохранить рабовладение. В рецен-зируемой книге вполне достаточно недостатков — не пужно придумывать такие, которых в ней нет.